

Тайна дырки от сыра

Швейцария завоевала Россию. Дом фотографии и Архитектурный музей пали

Михаил Сидлин

В Москве идут Дни Швейцарии. Сразу два музея приветили швейцарские проекты. Посмертная выставка Никола Бувье «Ветер дорог» внесла романтическую ноту в деятельность Московского дома фотографии: Бувье – автор более чем 20 книг, фотограф и литератор – отдал лучшие годы жизни экзотическим путешествиям. «Архитектура: сделано в Швейцарии» – выставка совершенно иного рода: сухая, индустриальная. Но Музей архитектуры предоставил свои залы сразу под 2 выставки. Вторая из них – «Швейцарские открытия. Тайные знаки» – придумана издателем и коллекционером Александром Шумовым в содружестве с дизайнером Эркемом Кагаровым. Эта выставка – самая оригинальная из трех – показывает швейцарские кунштшюки, древние и современные, из частных коллекций.

Умеренность и аккуратность

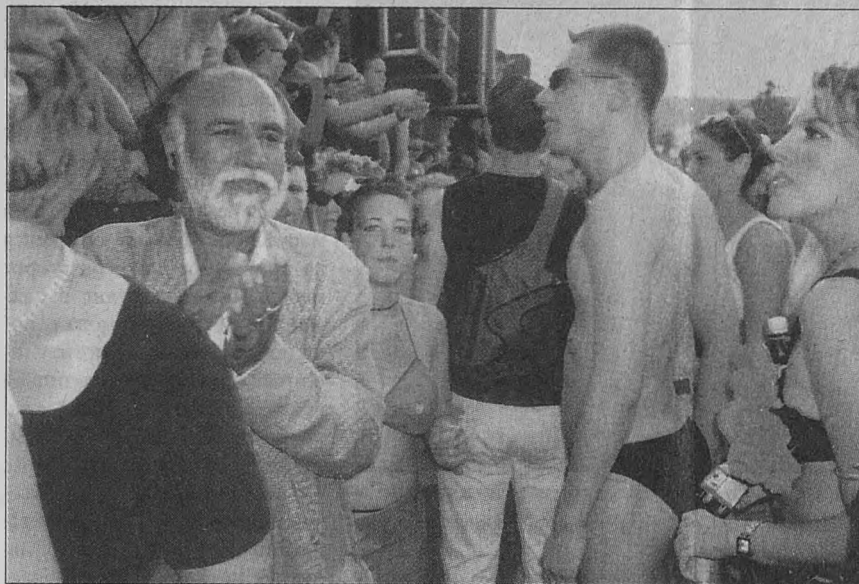
Давно не было в Архитектурном музее так хорошо сделанной выставки. В металлических стеллажах, напоминающих строительные леса, лежат металлические же листы, заполненные разным заграничным товаром: книгами, лайтбоксами, журналами, макетами, газетами, набросками и пр. Аккуратно и стильно.

Это выставка для архитекторов об архитектуре. Чтобы ходили и облизывались, как перестроить старые фабричные корпуса под жилые галереи (на 77 квартир). У нас бы просто снесли. Чтоб не возить. А швейцарцы лофтов понастроили.

Выставка не столько о постройке, сколько о перестройке. Потому что места все меньше, а народу все больше. А значит, нужна культурная переделка «народного дома общества трезвенников» под гостиницу с подземным гаражом, чья внутренняя структура задана изначальной формой дома-улитки. Так на чужеземщине сохраняют наследие модернизма. Живой укор России.

Экспозиция напоминает Швейцарию. Потому что у нее очень отчетливая структура, которая перемалывает любой объект, попадающий в ее поле сил. Даже снимки, сделанные от пуза мыльницей (карточки со стройплощадки), которые были бы невозможны на другой архитектурной выставке, здесь, на металлической полке, под плексигласом, выглядят достойно. По-большому.

Стандартные стеллажи уравнивают в значениях все. Большое с малым, крупный инвестиционный проект – с семейной дачей. И прирез нового сруба к старому на склоне горы в кантоне Граубюнден выглядит делом не менее важным, чем расширение Баварского ипотечного банка. Дальше можно написать о «протестантском трудовом этосе», но это уже сделали сами устроители выстав-

Между уличным техно-парадом и грязной раковиной с супрематическим натюрмортом внутри – так проходит жизнь русского критика в Цюрихе.

Независимая - 2002 - 25 сент. - с. 8.

ки, снабдив ее некоторым количеством текстов, красиво расположенных на полочках. Из них можно узнать о том, что Швейцария – это «страна высоких цен», и прочие истины такого же штампованного свойства. Важно не это. Важно то, что выставка действительно показывает: для архитектора незначимых задач нет.

Для архитектора важны аккуратность и трудолюбие. Не талант, а технологии. Не громкие планы, а тихие дела.

Швейцарский битник

В поисках экзотического шарма. Так проходила жизнь Никола Бувье. Едва окончив школу, он сбежал из Швейцарии в Лапландию автостопом (что, впрочем, кажется скорее

красивой легендой – дело-то

было сразу после войны!). Он начал путешествовать и не смог остановиться.

Мир – это блошинный рынок утраченных надежд и потерянных иллюзий. То место, где еще существуют рвань, грязь, тряпье, вонь, пыль, копать. То, от чего западная цивилизация уходила семимильными шагами или уже ушла в то время, когда юный Никола Бувье впервые взял в руки камеру. Поэтому он стремился в Индию и Курдистан, на Цейлон и в Турцию. Чтобы запечатлеть промозглую сырость и палящий зной – и еще десятки и сотни штампов. Потому что Бувье – поэт штампов.

За внешней бедностью скрывается духовное богатство. За смутными тенями обкуранных иранцев Бувье находит

поэтическую истину. «В этих забегаловках, где полным-полно подозрительных типов, можно встретить какого-нибудь голодранца – закрыв глаза от удовольствия, весь просветленный, он вслушивается в рифму, которую бормочет ему на ухо приятель» (из книги «Обычаи мира»). И на снимке «В кафе, Тебриз, Иран, зима 1953–1954 гг.» все размыто (кадр сделан с рук в движении) – не оттого как будто бы, что фотограф накурвился нара до одури, а оттого, что ему надвигались в ухо рифмой. Вот оно – вселенское ухо западного романтика: в шуме бедности он слышит не социальную данность. Бедность для него – это поэтический факт.

Бедность не может быть просто бедностью. Курильщики

наргиле – просто наркоманами. Нет. Тогда романтизм потеряет всякую опору. Обязательные составляющие нищеты – достоинство и поэзия. Даже невозможность купить новый автомобиль выглядит для Бувье поэтическим фактом. «Иногда они «авторизуют» наиболее удачные заплатки при помощи царапин отверткой», – пишет он про турецких водителей. То есть царапина выглядит для него как роспись художника. Ведь бедность способствует творчеству. Далее каждый может продолжить весь набор следующих из этой теории истин.

Экспозиция произвольно соединяет стихи и эссе с избранными фотографиями. Бувье (догадаться нетрудно) был поэтом. Выставку открывает его фотография – молодой бесенок

держит сигаретку характерным жестом апаша – с характерной подписью: «Начало пребывания. Цейлон, 1955». Автор фотографии – Тьерри Верне, верный друг Бувье. Путешествовал вместе с товарищем. Его рисунки тоже рассыпаны по стенам Дома фотографии.

Швейцарский битник – это противоречие в предмете. Вроде карманного тигра. Но Бувье – именно швейцарский битник. В стране, натертой до блеска, как циферблат часов, экзотические игрушки его рассеянного взгляда должны казаться откровением. Но в России они кажутся забавой пресыщенного европейца.

Тайны Цюриха

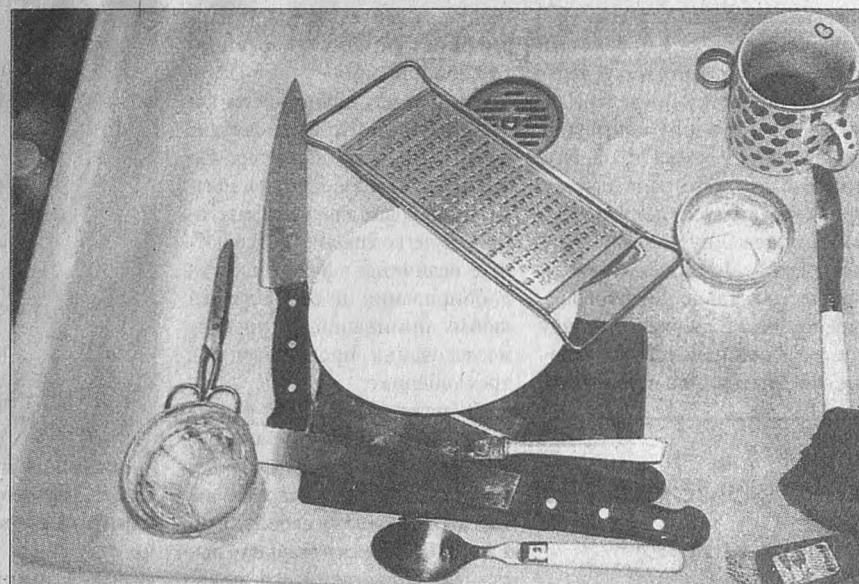
Есть две Швейцарии. Одна – тихая и аккуратная страна бога-

тых бургеров. Другая – прибежище романтических натур и смутьянов со всех континентов.

Цюрих – город двух революций. Одна – эстетическая – произошла здесь под знаком дадаизма. Другая – социальная – зародилась здесь в голове Ильича. Ленин и Тцара одновременно жили в Цюрихе. Этот факт так потряс воображение московского критика Александра Шумова, что он переехал в Цюрих навсегда. А вернулся – вместе с «тайными знаками».

На блошином рынке спрятались все загадки мировой истории. Это Александр Шумов знает как завсегдатай толкучек. Одноногий швейцарский пастушеский стул и расшитый литовский рушник на равных занимают места в его собрании народного искусства. А теперь в подвал Аптекарского приказа он свез уники из частной швейцарской коллекции. Они выставлены вместе с фотографиями. Раритеты представляют народное искусство. Снимки – ритуальную жизнь современного Цюриха.

Но экспозиция так же недоступна, как и тайны, скрытые под поверхностью бытовых предметов. Во всяком случае, придя на выставку в ее рабочие часы, обозреватель «НГ» не нашел ее открытой: через красную решетку с большим амбарным замком можно было любоваться экзотическим собранием только издали. Может быть, так и лучше: тайные знаки привлекательны лишь тогда, когда недоступны. Как и Швейцария – такая хорошая на расстоянии. Такая скучная вблизи. ■

Фотографии Александра Шумова